

Алексей Кондратенко,
кандидат политических наук

Как богатели на Столыпинских хуторах

Первая русская революция стала шоком для общества. Покорные прежде крестьяне пошли жечь, бить, уничтожать помещичье имущество (в целом по стране было сожжено около 16 тысяч усадеб). Проницательному политику становилось ясно: вековая крестьянская община перестаёт быть гарантом стабильности. Но дело не только в политике. И экономисту было очевидно: традиционный уклад жизни на селе безнадежно устарел. Дедовские методы ведения хозяйства, скудные результаты...

Российский премьер-министр П.А. Столыпин век тому назад начал масштабное наступление на крестьянскую общину. «Нельзя любить чужое как своё» – в этих его словах было обозначено одно из важнейших противоречий крестьянского мира.

Столыпин вовсе не был автором знаменитой реформы. Её основные идеи возникли много раньше его появления на политической сцене. Но именно он со всей энергией взялся претворять их в жизнь. И реформатора поддержали многие.

Вот голоса тех лет.

Кромской уезд:

«Всё делается по указке общины: никто не имеет права без времени начинать работу, например, поднимать пар, никто не может изменить установившегося севооборота. Община связывает по рукам и ногам каждого, община убивает всякую инициативу, всякий проблеск светлой мысли».

Орловский уезд:

«А сколько несправедливости творится в общине, потому что в каждой найдётся несколько горлодёров, которые вершители всякого дела, законного и незаконного, они делают всё, что хотят, за водку. Более состоятельные крестьяне подпоят водкой прожорливых акул, которые настоят дать им без всякого жеребья самую лучшую землю, беднякам и скромным людям достаётся самая плохая земля.

А как много в общине травится скотом посевов, ещё больше топчется готового созревшего хлеба. Когда начнут косить, едут на повозках по нескошенному хлебу, кому где ближе к своему загому. И так он топчет моё, а я топчу его.

А сколько хлеба воруют готовыми копнами! А какие в общине творятся самосуды! В общине нельзя жить и работать, как желаешь. Хорошо живётся в общине только ворышке, там он сыт, пьян и доволен бывает».

Первый шаг

Проблемой проблем был выход из

П.А. Столыпин

общины. Свидетельствует один из земских начальников:

«Я совершил более 100 актов о выдеде из общины и ни разу не встретил случая добровольного согласия общества на выделение какой-либо земли из общинного владения. Зовёшь старосту и под угрозой ареста и штрафа приказываешь ему подписать приговор о выделе из общины, но подписывать категорически отказывается. Староста переносит и штраф, и арест, но упорно повторяет, что общество не велело давать согласия».

Орловцы традиционно считают себя консервативным народом, однако земельку хоть и со скрипом, но отдавали. Если в Тамбовской и Воронежской губерниях почти 90% захотевших самостоятельности получали отказ, то в Орловской губернии с запретом столкнулись только 42% крестьян, захотевших пожить по-новому. У нас процент вышедших на хутора был в 2–3, а то и в 4 раза выше, чем в соседних губерниях.

Можно только предположить, как кипела в те месяцы среднерусская деревня, сколько надежд, разочарований, обид породил передел земли. В борьбу вступали иной раз и священники. В селе Добрынь Кромского уез-

да, в том приходе, где прошло детство Николая Лескова, батюшкой в начале прошлого века служил Николай Рождественский. И его захватила идея земельной реформы. На сельском сходе Рождественский выступил с горячей речью об уничтожении общинного землевладения. Его призыв вызвал в толпе невообразимый шум и гвалт. Казалось, никто из крестьян не поддержал батюшку.

Тогда отец Николай пошёл по дворам агитировать. Он вникал буквально во все тонкости крестьянского хозяйства, и там, и здесь говорил о том, какая выгода упускается из-за старого порядка.

Постепенно сельский люд начал почёсывать затылки, а затем село и вовсе поделилось на две партии. Одни захотели свободы и самостоятельности, другие стояли на своём, упорно называя агротехнику и севооборот немецкими выдумками.

Силы прогрессистов стали таять, когда крестьяне подсчитали, в какую сумму обойдётся переселение. Но батюшка и тут подстраховался: привёз из Кром весть о том, что казна поможет. А крестьянина Андрея Каратеева общество послало на хутора: посмотреть, как там устроились, как живут самостоятельные хозяева.

Его возвращение, его восхищённый рассказ подвели черту под долгим спором: народ решил на раздел земли. Подробное описание раздела я опущу. Его главный смысл был в том, чтобы каждому достался более-менее равноценный пай. Это, конечно, совсем не устроило местных кулаков. Богатеи готовили какой-то подвох, но батюшка и их «обезвредил»: отслужил молебен.

Так, с Божьей помощью, и поделили землю. Для многих крестьян это был настоящий праздник. Для кого-то – драма. Во дворах голосили женщины, как будто произошло непоправимое несчастье. И спустя короткое время от многовековой общины остался только прах – с благословения священника с иконами крестьянские семьи разъезжались на хутора.

На хуторах

Государство не просто открыло последний клапан (ленинская формулировка), дав мужику относительную свободу. Была и существенная поддержка. Это ссуды, это помощь в приобретении племенного скота. Агрономы буквально опекали новосёлов, подсказывая, как завести сады (саженцы – бесплатно), огороды, как сделать оптимальным севооборот. В каждом уезде были устроены образцовые участки – от 100 до 300 на уезд. Крестьянина учили сеять клевер, люцерну, вику. На хуторах организовывались зерноочистительные пункты, пункты проката сельхозинвентаря. А главное – всё это было вполне доступно вчерашнему середняку. К примеру, очистить пуд зерна стоило всего полкопейки. За прокат инвентаря плата поначалу вообще не взималась, затем плуг или косилку, взятые напрокат, можно было и вовсе выкупить с помощью льготной ссуды.

Большевики в те годы не забывали упрекнуть правительство за то, что оно оказывает скрытую, замаскированную помощь кулаку, забывая о беднейшем крестьянстве. Вот только вопрос: что изменили бы в судьбе бедняка эти льготы?

Князь Семён Семёнович Абаменко-Лазарев, архимиллионер, исследователь русской жизни, летом 1912 года побывал в районе станции Змиёвка и вскоре опубликовал брошюру «Как богатеют на хуторах». В ней описана одна из типичных судеб орловского хуторянина.

Семён Шелепин с семьёй (жена, пять дочерей, два сына) обосновался в двух верстах от села Философова. Все постройки на прежнем месте жительства он продал за 150 рублей. Эти деньги да сделанные своими руками 20 тысяч кирпичей помогли обустроиться на новом месте...

Скот у него теперь стал под присмотром, еды для животных вдоволь, гонять на дальнее пастбище нет нужды. Лошади не устают по пути на поля, куда прежде надо было добираться по 8–10 вёрст в один конец. И так далее. А главное, получил крестьянин полную самостоятельность. Но и отгораживаться от дельных хозяев не собирается: с десятью другими хуторянами основал маслодельную артель. Можно много ещё приводить примеров в пользу выхода из общины. Но вот один, итоговый: уже спустя три года урожай озимой ржи на Орловщине практически удвоился.

Ещё раз о политике и экономике

Почему столыпинская реформа не была завершена, не оправдала надежд? Об этом написано немало фундаментальных статей и книг. Сам Столыпин, подводя итоги первых трёх лет, заметил: «При такой же успешной работе, ещё через 6–7 таких же периодов, таких же трёхлетий, общины в России – там, где она уже отжила свой век, – почти уже не будет». Эти слова были сказаны в марте 1910 года. Впереди была война...

Естественно, за какие-нибудь три–пять лет трудно было изменить в корне крестьянский мир.

Да, при выходе из общины на Орловщине вроде бы не так ставили палки в колёса, как в Тамбове и Воронеже. Зато начиналось потом... Многие хуторяне сразу отказались от идеи завести хороший сад или огород: сельские подработки во время набегов уничтожали всё съестное.

А их земляки постарше рассчитывались с «высочками» более суровыми методами. Если верить статистике тех

Начало XX века. Косари

лет, то основным оружием сельского пролетариата был поджог. И на Орловщине самостоятельных хозяев жгли куда чаще, чем в других чернозёмных губерниях.

Кулак из Куракино Ададулов, ошалевавший от поджогов, писал челобитную самому Столыпину: «Ни урядник, ни становой, ни исправник, ни губернаторские чиновники никаких мер не принимают. Мы, люди Союза русского народа, остались без всякой защиты».

Столыпин в телеграмме Орловскому губернатору потребовал принять самые суровые меры к восстановлению законности, ограждению мирных крестьян от революционных элементов.

Штыками помочь экономике? Извечное российское решение.

Фактом было то, что с началом реформы резко усилилось расслоение крестьянства, а главное, обнищание и без того неимущих селян. Получилось, что, вытянув одну ногу из трясины, утопили другую. Поголовье скота год за годом сокращалось, земельный надел не становился больше. Народ, отрываясь от традиционного уклада, шёл на заработки в города, а значит, превращался в пролетариат, мечтая уже не о своём крепком хозяйстве, а лишь о революции и о переделе имущества богатеев.

Возможно ли было хотя бы замедлить эту цепную реакцию? Вполне, если бы государство вкладывало больше средств в проведение реформы, поддерживая мужика и не оставляя его один на один со скудеющей землёй.

Разрушение общины ужаснуло правящий класс. И дело не только в том, что набиравшие силу кулаки скупали землю у помещиков. С потерей общины власть лишалась традиционной опоры, под угрозой оказалась вся система государственного устрой-

ства. Как ни парадоксально, весьма раздражал этот процесс и радикальных, пёструю революционную публику – община издавна зачислялась русскими революционерами в прообраз социализма. Столыпин стремительно терял поддержку верхов. Он уже не имел прежнего веса в правительстве, того, что позволило ему сразу после революционного потрясения 1905–1907 гг. начать решительную ломку. И хотя его прошение об отставке поначалу не было принято

царём...

В ответ на просьбу Столыпина выгнать Распутина из Петербурга Николай II сказал: «Я с вами согласен, Пётр Аркадьевич, но пусть будет лучше десять Распутиных, чем одна истерика императрицы...»

Политическая смерть Столыпина произошла раньше, чем раздался роковой выстрел террориста. Но можно ли было так же однозначно подвести итог деятельности Столыпина, как это делали советские историки, заявляя, что земельная реформа закончилась крахом?

Это был просто один из этапов освоения русского крестьянина. Начавшись в 1861 году, оно, похоже, и сегодня ещё не доведено до конца.